

Враг самому себе

Внешняя политика Петра III полностью зависела от взглядов и устремлений этого человека, который, по словам Екатерины II, «был неукротим в своих желаниях и страстях». Неистовая любовь Петра Федоровича к прусскому королю делала неизбежным изменение внешнеполитической ориентации России и предрешала ее выход из Семилетней войны. В январе 1762 года любимый генерал-адъютант императора А.В. Гудович прибыл к Фридриху II с предложением о возобновлении «полезного обоим дворам согласия», на которое тот откликнулся с восторгом. Пруссия находилась в крайне тяжелом положении и была спасена от вероятного разгрома. Неудивительно, что Фридрих II в своих письмах Петру III называет его «величайшим из государей света», «достойнейшим из государей и лучшим другом во вселенной», «милостивым божеством, человеком, посланным Небом». В ответ российский император писал: «Ваше величество, конечно, смеетесь надо мной, когда вы хвалите так мое царствование, дивитесь ничтожностям, тогда как я должен удивляться деяниям вашего величества; добродетели и качества ваши – необыкновенны, я ежедневно вижу в вас одного из величайших героев в свете».

Двенадцатого февраля канцлер Воронцов вручил представителям стран-союзниц – послам Австрии и Франции, посланнику Швеции и резиденту Саксонии – декларацию о намерении России заключить сепаратный мир с Пруссией, что являлось формальным выражением разрыва союзнических отношений на период войны. В этом документе содержался также призыв к заключению всеобщего мира и добровольному отказу «союзных дворов» от сделанных в ходе Семилетней войны территориальных приобретений. Через два дня состоялся большой ужин в честь императора в доме канцлера, где присутствовали все аккредитованные в Петербурге иностранные дипломаты. Австрийский посол Мерси-Аржанто сообщил на другой день в Вену, что «государь очень много пил... сильно разгорячился и стал громко высказываться о нашем враге, причем выражал свое уважение, преданность и удивление к нему». Во время какой-то азартной карточной игры, начатой после торжественного застолья императором и другими гостями, «государь разгорячился от непрерывной болтовни, от курения и питья все более и более до того, что он начал насмехаться над бароном де Бретейлем (полномочным послом Франции. – В.Н.) самым неприятным и, конечно, неприличным образом. Но так как речи русского государя были такого свойства, что смысла частью вовсе нельзя было понять, частью же он дополнял все гримасами, произведенными опьянением, то французский министр счел за лучшее показывать вид, будто он их вовсе не слышит». Но когда после очередной реплики Петра III Бретейль вынужден был сказать самым деликатным образом, что надеется на приверженность России прежней политической системе, «государь был так смущен этими словами, что как бы отрезвился на минуту, а потом ответил, гневно глядя на него, самым суровым тоном: «Я желаю мира, как я вам о том объявил, и если вы не согласитесь на него, то позаботьтесь о том, как выпутаться из дел; я объяснил, я солдат и не ветрен». Франция и Австрия должны были убедиться, что у них больше нет союзника.

Радостным событием для Петра III стало прибытие в Петербург прусского посла Г.Л. Гольтца, который привез ему от Фридриха II орден Черного Орла. На первой аудиенции 24 февраля Гольтц был осыпан уверениями в дружбе и бесконечном уважении к прусскому королю, ясные доказательства которых император, по его словам, надеялся вскоре представить. Во время личных бесед Петр удивлял Гольтца своим знанием прусской армии: в каждом полку он мог назвать по именам несколько поколений старших офицеров. Вечером во время карточной игры он показал послу свой перстень с портретом Фридриха II. Все это оптимистично настраивало Гольтца в отношении предстоящего заключения мира между двумя державами.

Прусский посол имел предписание короля соглашаться на любые условия, вплоть до аннексии Россией Восточной Пруссии. Но никакие жертвы не понадобились: по договору «о Вечном мире» от 24 апреля Петр III вернул Фридриху II все завоеванные русскими войсками территории без какой-либо компенсации. Особенно поражает тот факт, что столь важный международный документ не обсуждался в Коллегии иностранных дел. Более того, он был целиком составлен Гольтцем, который прислал свой текст 21 апреля в Коллегию со следующей запиской: «Имею честь препроводить к его сиятельству г-ну канцлеру Воронцову проект мирного трактата, который я имел счастье вчера поутру читать его императорскому величеству и который удостоился его одобрения во всех частях». Канцлер поехал к императору и уговорил его исключить из текста договора только одно условие, явно несовместимое с достоинством России. Речь шла об обязательстве Петра III «стараться весьма о благополучии и выгодах» прусских земель до окончания их временной оккупации русскими войсками.

Невыгодный мир с Пруссией был воспринят в Петербурге с возмущением. Его условия не одобрялись даже такими верными сторонниками императора, как Волков и Мельгунов, но противостоять воле Петра III было бесполезно. Мерси-Аржанто справедливо отмечал, что «пылкое своенравие русского императора не допускает никаких разумных советов, особенно же в политических делах (в вопросах внешней политики, – В.И.). Только в делах внутреннего правления он принимает их несколько благосклоннее».

Однако в позиции Петра III нет ничего противоестественного. До вступления на престол он активно протестовал против участия России в Семилетней войне и открыто выражал несогласие с курсом елизаветинской внешней политики. Ориентация на Пруссию не без оснований представлялась ему выгодной не только для голштейнских, но и для российских интересов (именно такой курс обеспечил впоследствии внешнеполитические успехи Екатерины II). Планируя союз с Пруссией, было бы глупо аннексировать ее земли или требовать с нее контрибуций. Петр III считал, что более важно заручиться поддержкой Фридриха II в двух намеченных им делах: передаче Курляндии Георгу Людвигу Голштейн-Готторпскому и отнятии у Дании Шлезвига.

В 1759 году Елизавета Петровна дала согласие на то, чтобы герцогом Курляндии стал сын польского короля и саксонского курфюрста Августа III Карл Саксонский. Петр Федорович возражал против этого решения и даже грозился вызвать ненавистного ему принца Карла на дуэль. В протестантской Курляндии новый герцог-католик тоже был принят без восторга. Формально правами на курляндский престол по-прежнему располагал находившийся в ссылке Бирон. По возвращении его в Петербург Петр III сказал ему: «Утешьтесь и будьте уверены, что вы будете мною довольны. Если вы и не останетесь Герцогом Курляндским, то все-таки будете хорошо пристроены». 16 апреля 1762 года Бирон отрекся от герцогства в пользу Георга Людвига. Факт существования Карла Саксонского Петр III попросту игнорировал, а на протесты сюзерена Курляндии Августа III не обратил никакого внимания. Обещание позаботиться о Бироне он выполнил, договорившись с Фридрихом II о передаче бывшему герцогу владения Вартемберг в Силезии с титулом княжества.

В отношении Дании император был настроен весьма решительно, заявив в присутствии датского посла: «Они (датчане. – В.Н.) довольно долго пользовались от моей Голштинии, теперь я хочу от них попользоваться». Датский король начал спешно готовиться к войне, поручив реорганизацию своей армии выдающемуся военному специалисту из Франции К.Л. Сен-Жермену, который в кратчайшие сроки добился больших успехов в формировании полевых полков и артиллерийского корпуса. Но известия об этом только повышали боевой дух Петра III, заявившего Н.И. Панину: «Господин де Сен-Жермен найдет себе достойного соперника. Он собирается показать мне войну на французский манер, а я покажу ему, как воюют пруссаки». Датского короля Петр грозился низложить и сослать в Малабар (область на юге Индии).

Необходимым условием войны на прусский манер Петр III считал введение в российских войсках прусской формы и муштры. Начал он с гвардии, пребывавшей до того времени в лени и распущенности. Вообще Петр не любил гвардейцев, называл их не без основания «янычарами» и говорил: «Они только блокируют резиденцию, не способны ни к какому труду, ни к военным экзерцициям и всегда опасны для Правительства». С начала его царствования гвардейские полки были подчинены строгой дисциплине и ежедневно «экзерцировали» под личным наблюдением императора, который нередко «учил» нерадивых солдат и офицеров тростью. Введенную Петром Великим гвардейскую форму его внук заменил на короткие и узкие кафтаны прусского образца. Упомянувшееся выше назначение гвардейскими полковниками Георга Людвига, Трубецкого, Разумовского и Шувалова было, по словам Екатерины II, воспринято полками как «громовой несносный удар»: ведь раньше во главе их стоял сам император. Двадцать первого марта Петр III ликвидировал Лейб-компанию – особо привилегированное гвардейское соединение, состоявшее из участников возведения Елизаветы Петровны на престол. Ходили слухи о намерении императора совсем упразднить гвардию и заменить ее голштейнским войском. По удачному выражению Рюльера, «негодование скоро овладело гвардейскими полками, истинными распорядителями престола». Последней каплей в чаше их возмущения стало решение Петра III об отправке гвардии на войну с Данией.

Не меньшее недовольство император вызывал у православного духовенства, которое не желало примириться с потерей своих земель и крепостных. Кроме того, Петр III не выказывал должного уважения к традициям и обрядам русской Церкви и даже дал повод обвинить себя в намерении ввести в России протестантизм. Этот вопрос весьма запутан в литературе и источниках, которые содержат противоречивые мнения даже об отношении Петра к религии вообще. Если Екатерина II утверждала, что «никогда не знала атеиста более совершенного на деле, чем этот человек», и добавляла, что он при этом отличался суеверием, то, по словам Штелина, Петр III «не любил никаких шуток над Верою и словом Божиим» и был «чужд всяких предрассудков и суеверий». Миних писал: «Никому не ведомо, каковы были внутренние религиозные убеждения императора, но известно всем, что во время богослужения он был обыкновенно очень невнимателен и, ко всеобщему соблазну, подходил то к одной даме, то к другой, чтобы поговорить с ними».

Наиболее вероятно, что личное отношение Петра III к религии было достаточно индифферентным, а его официальные взгляды отличались веротерпимостью, которая заметна даже в хронике повседневных занятий императора. В последний день 1761 года он обедал в обществе членов Святейшего Синода, архиереев и архимандритов (редкий случай для российских монархов), а через несколько дней «отправляется в католическую церковь Францисканцев... завтракает у пасторов и подписывает план их новой церкви». Только веротерпимостью можно объяснить появление трех указов о запрещении притеснять раскольников, в чем нельзя, естественно, усмотреть ни пренебрежения к православию, ни склонности к протестантизму. Эта черта политики Петра III перекликалась с его намерением пресечь злоупотребления Синода, который, как отмечалось в императорском указе, был похож «больше на опекуна знатного духовенства, нежели на строгого наблюдателя истины и защитника бедных и неповинных». Объективность, веротерпимость и гуманизм в религиозной политике раздражали православное духовенство, боявшееся потерять полномочия официальной Церкви, а от этого оставался только один шаг до обвинения императора в стремлении «переменить веру». Наиболее определенные сведения об этом содержатся в донесении Мерси-Аржанто канцлеру А.В. Кауницу от 17 мая 1762 года: «На днях царь призвал к себе архиепископа Новгородского Дмитрия Сеченова... и дал ему понять, что он, государь, смотрит на большое количество образов, находящихся во всех русских церквах, как на вкравшееся злоупотребление, и потому его воля такова, чтобы, за сохранением только двух образов: Спасителя и Божией матери, все остальные были уничтожены. Сюда же русский государь присоединил свое желание, чтобы русское духовенство бросило носить бороды и длинное платье и впредь одевалось вроде того, как одеваются протестантские пасторы». Это известие может показаться правдоподобным с учетом упомянутых в нем излюбленных идей Петра III о необходимости борьбы с излишествами и злоупотреблениями. Но он не был настолько глуп, чтобы не понимать невозможность выполнения таких указаний. Можно было бы предположить, что он впал в состояние невменяемости, как утверждает Екатерина II: «Петр III потерял ту малую долю рассудка, какую имел. Он во всем шел напролом... Он хотел переменить веру».

Но правительственные распоряжения, принятые при личном участии Петра III в последний месяц его царствования, не дают оснований усомниться в здравости его ума. Можно

говорить об упрямстве, своенравии, торопливости и наивности императора, но только не об отсутствии у него мыслительных способностей. По-видимому, Мерси-Аржанто передал в своей депеше провокационные слухи, распускаемые самим высшим духовенством с целью дискредитации императора и облегчения планируемого дворцового переворота. Дашкова сообщает, что именно новгородский архиепископ участвовал в заговоре против Петра III.

Не менее серьезное значение имели слухи о презрении императора к русскому народу, которому он якобы готов во всем предпочитать немцев. Петр дал много поводов для обвинений в оскорблении национального самолюбия, подписав «позорный», по общему мнению, мир с Пруссией, приблизив Миниха, обласкав Бирона, наводнив столицу голштейнцами, введя прусские порядки и форму в армии. Император вроде бы и сам подтверждал мнение о себе как о немце, когда в письмах Фридриху II отзывался о нации своего деда и матери в третьем лице: «если бы русские хотели мне зла, они давно могли бы мне сделать», «могу вас уверить, что когда умеют взяться за них [русских], то можно на них положиться».

Но данный факт не вполне показателен, поскольку более всего характеризует стремление Петра III быть ближе и понятнее конкретному адресату. Выбор императором своего окружения противоречит вышеприведенному мнению, поскольку, кроме голштейнских принцев и давно обрусевших Вильбуа, Корфа и Миниха, все его любимцы и советники были русскими, а также малороссами (Разумовские и Гудович). Чистокровной немке Екатерине он предпочел девушку из старинного русского рода Воронцовых. Говорить о пренебрежении, а тем более неприязни Петра III к русской нации нет никаких оснований, хотя признать себя в полной мере русским он действительно не мог.

А.С. Мыльников справедливо полагает, что «ощущение двойственности своего происхождения... порождало у него сложный и весьма неустойчивый психологический комплекс двойного национального самосознания». Не имея достаточно полного представления о России и русском народе, Петр не мог должным образом оценить значение национальных чувств своих подданных.

Авторитет Петра III особенно подрывался его беспорядочной жизнью. Современник отмечал с возмущением: «Государь не успел вступить на престол, как предался публично всем своим невоздержанностям и совсем неприличным такому великому монарху делам... с графиней Воронцовой, как с публично своею любовницею, препровождал почти все свое время». Фактически Петр III открыто пребывал в состоянии двоеженства, поскольку его связь с фавориткой не только не скрывалась, но даже подчеркивалась. Достаточно сказать, что в списках приглашенных к императорскому столу камер-фрейлина Е.Р. Воронцова значится на первом месте, перед всеми обладателями грандиозных чинов и громких титулов.

Нарекания в адрес императора стали всеобщими, когда он через месяц после вступления на престол дал полную волю своей любвеобильности. Воронцова никогда полностью не устраивала Петра и периодически заменялась другими «наложницами», но раньше это не особенно волновало свет; теперь же личная жизнь монарха стала достоянием гласности.

Царь на время серьезно увлекся семнадцатилетней фрейлиной Екатериной Чоглоковой, дочерью покойного обер-гофмаршала и падчерицей Глебова, застенчивой девушкой, по словам французского посла Бретейля, «довольно хорошенькой, хотя горбатой». Примерно тогда же объектом короткой и бурной страсти Петра стала «одна из отличных придворных щеголих... темноволосая и белолицая, живая и остроумная красавица» княгиня Елена Степановна Куракина, дочь фельдмаршала С.Ф. Апраксина. Репутация замужней двадцатисемилетней дамы считалась сомнительной: говорили, что каждого находившегося в данную минуту рядом с ней можно с уверенностью считать ее любовником.

Увлечения императора приводили к бурным проявлениям ревности основной фаворитки, которая не стеснялась множества свидетелей и даже законной супруги Петра III. По рассказам иностранных дипломатов, во время одного из обедов «девица Воронцова... совершенно забыла все подобающее государю почтение, даже до того, что осмелилась назвать его гадким мужиком и еще другими словами, повторить которые не позволяет приличие», а вскоре «произошла еще более горячая сцена, причем оскорбления, оказанные той и другой стороной, редко можно слышать на наших рынках».

Другие слабости Петра III вызывали не меньшее порицание. Бретейль писал: «Жизнь, которую ведет император, самая постыдная. Он проводит свои вечера в том, что курит, пьет пиво и не прекращает эти оба занятия иначе как только в пять или в шесть часов утра и почти всегда мертвецки пьяным». Мерси-Аржанто также сообщал, что «распушенность и попойки, выходящие из границ всякого приличия, увеличиваются ежедневно при вечерних пирушках до такой степени, что составляют мучение и возбуждают отвращение в тех, кому приходится на них присутствовать». Важные сановники в угоду царю пускали клубы табачного дыма, хотя в большинстве своем не умели курить, и старательно прикладывались к бокалам, а потом прыгали на одной ножке, толкали друг друга коленом и боролись, как дети. Бретейль отзывался о них с презрением: «Все они подлы и раболепствуют». Однако наивному Петру это не приходило в голову: сам он был счастлив и замечал вокруг себя только радостное веселье. Он не понимал, что петербургские вельможи с внутренними проклятиями пляшут под дудку его деспотической власти, подлинное значение которой было ему невдомек.

Склонность к шутловству, насмешливый нрав и безудержная разговорчивость побуждали Петра III выходить за рамки приличий, которые он, возможно, не считал нужным соблюдать из-за ложных представлений о вседозволенности самодержцу. Штелин и другие авторы писали о способности Петра «замечать в других смешное и подражать ему в насмешку», не считаясь с чувствами передразниваемых лиц. Например, императора очень забавляли

мучения нового гвардейского полковника Кирилла Разумовского, органически неспособного к военным упражнениям. А ведь гетман был человеком весьма самолюбивым. Немало веселья Петру доставляли придворные дамы, которым он приказал вместо русского поклона разучивать реверанс. Многие из них, особенно пожилые, никак не могли приловчиться к приседанию. Дашкова вспоминает, что «бедные старушки едва удерживались на ногах, когда им приходилось сгибать колени», а император «гримасничал и кривлялся, передразнивая старых дам».

Подобные поступки способны были более всего унижить Петра во мнении света. Не заботился он и о поддержании своего престижа в глазах иностранных дипломатов, приглашаемых к императорскому столу. А.Т. Болотов как очевидец утверждает, что Петр III под воздействием опьянения «говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами». Участник екатерининского заговора гвардеец П.Б. Пассек с полным основанием говорил: «У этого государя нет более жестокого врага, чем он сам, потому что он не пренебрегает ничем из всего, что могло ему повредить».

Едва ли не важнейшим обстоятельством, определившим необходимость отчаянной борьбы Екатерины за власть, стали особенности личной жизни супругов. Несомненно, близкие отношения Петра и его жены были полностью разорваны по крайней мере за несколько месяцев до его вступления на престол. Об этом свидетельствует тот факт, что родившегося 11 апреля 1762 года сына Екатерины от ее нового фаворита Григория Григорьевича Орлова уже нельзя было признать ребенком императора; он получил фамилию Бобринского и воспитывался вдали от матери. Неизвестно, когда Петр узнал о связи жены с Орловым и ее беременности. Но обращает на себя внимание любопытный эпизод, приведенный в мемуарах Дашковой. Однажды во время обеда незадолго до своего воцарения Петр начал азартно доказывать ей, что следует отрубить голову одному гвардейцу, любовнику племянницы Елизаветы Петровны, «чтобы другие офицеры не смели ухаживать за фрейлинами и родственницами государыни». Дашкова добавляет, что «среди приглашенных было много гвардейцев», следовательно, слова наследника престола могли адресоваться Орловым. Несдержанный на язык Петр Федорович, похоже, не понимал, что любая его неосторожная фраза может рассматриваться как предпосылка будущих действий. Если все это так, то Григорий Орлов должен был испытывать опасения за свою судьбу, что, в свою очередь, оказало влияние на последующие события.

Екатерина была готова помочь мужу после его воцарения, о чем свидетельствуют написанные ею документы: «наставление» Петру о первых действиях после кончины Елизаветы Петровны и проект указа о вступлении его на престол. Но император нашел других советников, которые гораздо лучше составили все необходимые бумаги. Екатерина сделала выводы: «Говорила я себе: твою инфуенцию (влияние. – В.У.) опасаются; удались от всево; ты знаешь, с кем дело имеешь, по твоим мыслям и правилам дела не поведут, следовательно, ни чести, ни славы тут не будет; пусть их делают что хотят». Вероятно, ее устроила бы роль жены монарха при условии своего влияния на дела, но Петр III отдалился

от нее почти совершенно, и у Екатерины оставался только один способ добиться столь желаемой ею власти. В письме С.А. Понятовскому от 2 августа 1762 года она пишет: «Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол».

В своих взаимоотношениях императорская чета ограничивалась формальной вежливостью. Примечательно, что во дворце Петр III поселил свою жену и фаворитку в соседних между собою апартаментах, а сам занял помещение напротив от них, «через сени». Восемнадцатого февраля он подписал указ о выплате Екатерине шестисот тысяч рублей на покрытие ее долгов и установлении ей годового содержания в сто двадцать тысяч.

Но через два месяца по Петербургу поползли слухи о намерении императора развестись с супругой, заключить ее в монастырь (по другой версии – в тюрьму), отказаться от Павла и жениться на Воронцовой. Екатерина II в своих письмах и мемуарах приводит такие утверждения со всей определенностью. О том же сообщают и иностранные послы. Девятого апреля Мерси-Аржанто писал: «Некоторые из отставленных лейб-компанцев поговаривают, будто очень хорошо понимают, что их отставили не по какой-то другой причине, как по той, что император хочет запереть свою супругу в монастырь».

Обратим внимание на дату: через два дня Екатерина родила внебрачного ребенка. Вспыльчивый и неосторожный на язык Петр вполне мог отреагировать на предстоящее событие грозным обещанием. Но вряд ли он собирался его выполнять. Во всяком случае, последующая двухмесячная отсрочка не позволяет говорить ни о каких серьезных намерениях.

Но отношение императора к супруге не могло оставаться прежним. Пятнадцатого апреля при переезде в новый Зимний дворец Петр, по свидетельству Штелина, «помещает императрицу на отдаленном конце его, а ближе к себе, на антресолях, свою любимицу, толстую фрейлину Елисавету Романовну Воронцову». Тем не менее 20 апреля в канун дня рождения Екатерины муж подарил ей подмосковное село Софьино и ряд имений в Новгородском уезде.

Нет оснований верить и слухам о намерении Петра III отказаться от сына. Штелин фиксирует в своих записках: «Навещает великого князя Павла Петровича, целует его и говорит: «Из него со временем выйдет хороший малый. Пусть пока он останется под прежним своим надзором, но я скоро сделаю другое распоряжение и постараюсь, чтобы он получил другое воспитание (военное), вместо женского». По свидетельству Дашковой, император присутствовал на экзамене Павла вместе со своими голштейнскими родственниками, которым заявил по окончании испытания: «Кажется, этот мальчуган знает больше нас с вами». Доброе отношение Петра III к сыну подтверждается ответной любовью и почитанием родителя, которые проявлял впоследствии Павел I.

Вероятно, Петр тяготился своим браком, но не мог отправить жену в заточение (а другого способа развестись у царей не было) по причине внутреннего благородства и великодушия. Но иногда он не мог скрывать своего раздражения. На обеде 9 июня в честь заключения союза с Пруссией император через весь банкетный зал прокричал супруге, что она – «дура». Екатерина залилась слезами, а Петербург получил лишний повод сочувствовать ей и осуждать ее «деспотичного и развратного» мужа.

Между тем о планируемом перевороте догадывались многие. Гольц и Кейт отговаривали императора от поездки за границу, будучи уверенными, что за время отсутствия он потеряет власть. Но Петр III был настолько беспечен, что даже не пожелал короноваться, руководствуясь опять же примером Фридриха II. Сам кумир Петра в своих письмах призывал его к благоразумию, но император отвечал, что не может короноваться до отъезда к армии, так как война уже почти началась, а для подготовки столь пышного обряда нет ни времени, ни денег.

Против войны с Данией выступали все императорские советники, включая Георга Голштейнского. Миних, единственный крупный стратег в ближайшем окружении Петра III, обоснованно доказывал, что «император рискует... потерпеть поражение в этом походе и потерять армию в самом начале своего царствования». Тридцатого мая 1762 года Совет в полном составе подписал доклад Петру III с доводами против войны, но он решительно объявил через Волкова, что не желает ничего слушать. Как справедливо заметила Екатерина II, ее муж «верил всегда всему, чего желал, и отстранял всякую мысль, противную той, какая над ним господствовала». Двадцать седьмого июня Мельгунов сообщил на заседании Совета, что император «соизволил предпринять скорый отъезд своею высочайшею персоною к армии» и для того приказал приготовить подводы на почтовых станциях от Петербурга до Митавы. Но прежде Петр III хотел торжественно отпраздновать свои именины, которым суждено было стать последним днем его царствования.

Утром 28 июня император выехал из Ораниенбаума в Петергоф; там его должна была ждать Екатерина, с которой он собирался разделить радость своего праздника. Впоследствии она утверждала, что после именин супруг намеревался отправить ее в монастырь, но с учетом характера Петра III трудно поверить в возможность такого изощренного коварства. Зато сама Екатерина вовсе не дожидалась своего простодушного и доверчивого мужа в Петергофе. Как раз в это время в Казанском соборе ее провозгласили самодержавной императрицей Всероссийской.

Широкие связи претендентки на престол в офицерской среде обеспечили ей поддержку всех четырех полков гвардии и некоторых других расквартированных в Петербурге воинских частей. Важную роль сыграла позиция Кирилла Разумовского – единственного гвардейского полковника среди заговорщиков. Накануне переворота в число его участников вошли

М.Н.Волконский и А.Н. Вильбуа. А.И. Глебов составил манифест о восшествии Екатерины на престол. Петра III предали люди, которых он любил и ценил. Переворот был охотно поддержан духовенством, а также Сенатом, обиженным мерами императора по ограничению его власти. Приняв присягу на верность от большинства находившихся в Петербурге гражданских чиновников, офицеров и солдат, Екатерина в ночь на 29 июня двинулась во главе четырнадцатитысячного войска в Петергоф.

Возможно, Петр III мог спастись, если бы действовал быстро и решительно. Но он потерял пять часов в ожидании точных известий о событиях в Петербурге, куда послал своих разведчиков. Почти все они были схвачены сторонниками Екатерины, а те немногие, кто сумел вернуться, могли сообщить только о блокировании въездов в столицу. Император вызвал из Ораниенбаума в Петергоф голштейнский отряд и приказал ему окопаться для отражения атаки, но приближенные сумели отговорить его от вооруженного сопротивления, будучи уверенными в неравенстве сил (по одной версии, у Петра было восемьсот солдат, по другой – вдвое больше). Наконец было принято решение, которое несколькими часами ранее могло оказаться спасительным: отплыть в Кронштадт. Но к тому времени он уже оказался в руках сторонников новой императрицы. Когда Петр III и сопровождавшие его лица на галере и яхте подошли к Кронштадту, им под угрозой артиллерийского обстрела приказано было уходить. Император в три часа утра 29 июня вернулся в Ораниенбаум и распустил по квартирам голштейнские войска, готовые его защищать. После этого ему стало настолько плохо, что он послал за священником близлежащей православной церкви.

Вскоре в Петергоф прибыли полки новой императрицы, а отряд гусар под командованием брата фаворита Екатерины А.Г. Орлова блокировал Ораниенбаум. Петр III подписал отречение от престола и в сопровождении Елизаветы Воронцовой и Гудовича поехал сдаваться на милость своей супруги. До последних минут верность ему сохраняли Волков и Мельгунов, которые были арестованы. Мерси-Аржанто сообщает, что бывший император «был так огорчен, поражен и робок, что щеки, даже все тело дрожало от страха». Видимо, состояние Петра в неменьшей мере объяснялось нервным перенапряжением и упадком душевных сил. Вечером того же дня его отвезли в загородный императорский дворец Ропшу, где он провел последнюю неделю жизни.

Петр надеялся уехать вместе с Воронцовой в Голштейн. Не может не тронуть письмо, написанное им Екатерине II перед отречением: «Ваше величество, если Вы совершенно не желаете смерти человеку, который достаточно уже несчастен, имейте жалость ко мне и оставьте мне мое единственное утешение Елизавету Романовну. Вы этим сделаете большее милосердие Вашего царствования». Можно, впрочем, понять и Екатерину, у которой это письмо не вызвало добрых чувств. Она с сарказмом сообщила в письме С.А. Понятовскому, что супруг попросил у нее «свою любовницу, собаку, негра и скрипку», но она «ему послала только три последние вещи».

Говорили, что в Ропше бывший император плакал, беспокоясь о судьбе голштейнцев и других верных ему людей; «ему казалось совершенно невероятным, что гетман граф Разумовский мог ему изменить. Скорее он допускал, что тот пострадал из-за него». Охрану Петра Екатерина II поручила Алексею Орлову и еще четверым гвардейским офицерам, которым, по ее словам, приказала «сделать жизнь этому государю настолько приятной, насколько они могли». Как выполнялось это распоряжение, видно из письма бывшего императора своей супруге от 30 июня: «Сударыня, я прошу Ваше Величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как Вам известно, что я всегда хожу по комнате, и то от этого распухнут у меня ноги. Еще я Вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате со мной, когда я имею естественные надобности – это невозможно для меня». Второго июня Орлов с варварским цинизмом сообщал императрице: «Урод наш очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он севоднишнюю ночь не умер, а больше опасаясь чтоб не ожил. Первая опасность для того, что он все здоров говорит, и нам это несколько весело, а другая опасность, что он действительно для нас всех опасен для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть». Видимо, Петр не осознавал угрозу своей жизни, говоря смертельным врагам о желании вернуть престол. Впрочем, он был заведомо обречен, поскольку сам факт его существования представлял опасность для победителей. Орлов и его товарищи не стали дожидаться исхода болезни узника: 6 июля 1762 года бывший император Петр III был жестоко убит.

После смерти Петра III несколько современников оставили о нем замечательно точные суждения. Фридрих II сказал: «Бедный император хотел подражать Петру I, но у него не было его гения». А. Шумахер выразился определеннее: «Главная ошибка этого государя состояла в том, что он брался за слишком многие и к тому же слишком трудные дела, не взвесив своих сил, которых было явно недостаточно, чтобы управлять столь пространной империей». К.К. Рюльер, со своей стороны, заметил: «Петр III клонился к своему падению поступками в основании своем добрыми; они были ему губительны по его безвременной торпливости и впоследствии совершены с успехом и славою его супругою».

Наивное и поспешное стремление к величию, переоценка своих сил и способностей и непродуманность радикальных мероприятий действительно явились основными факторами неудачи правления Петра III. Затронув интересы духовенства, гвардии и Сената, он восстановил против себя слишком серьезные силы, а невыгодный мир с Пруссией и волюнтаристское намерение войны с Данией стали причиной широкого общественного недовольства. Распространяемые оппозицией слухи о презрении и ненависти императора к русскому народу и Православной Церкви создали волну национализма, на которой Екатерина II, как некогда Елизавета Петровна, легко достигла престола.

За всю свою жизнь Петр III никому не причинил намеренного зла. Как правитель он был справедлив и великодушен, а как человек – легкомыслен, беспечен, наивен, доверчив и добр, хотя порой вспыльчив и гневлив. По совокупности названных качеств он не был

приспособлен для борьбы за власть. Э.И. Бирон с высоты своего опыта сказал однажды: «Если б Петр III вешал, рубил головы и колесовал, он остался бы императором». К чести для себя внук Петра I не пользовался подобными советами. Но, к сожалению, он не всегда прислушивался и к более основательным мнениям. Петр III не терпел прекословия и был твердо убежден в том, что его воля является законом. Таковы были его понятия о прерогативах самодержавного монарха, а о своем соответствии этой роли он не задумывался.

Петр III не был ничтожеством, но не мог считаться и талантливым государственным деятелем. Его способности были заурядны, но сам он считал иначе, а раболепие окружающих усиливало это пагубное самообольщение. В конечном счете самодержавие оказалось слишком тяжелым испытанием для его довольно слабой личности. В последний месяц правления несчастного императора стала складываться новая структура высшей власти, которая со временем, возможно, упрочила бы существующий режим. Но этого времени уже не оставалось. Наличие мощной оппозиции и продуманного заговора во главе с талантливой претенденткой на престол оказалось решающим фактором, определившим трагическую участь Петра III.